

В.А. Черкасов

*Белгородский государственный национальный
исследовательский университет*

ПОЛЕМИКА ТЫНЯНОВА С ВЕРЕСАЕВЫМ О ПОЭТЕ И ПОЭЗИИ

В статье рассматривается проблема полемически-пародийной направленности научно-художественного творчества Тынянова на концепцию «двупланного Пушкина», созданную Вересаевым. Выясняется конструктивное значение научных работ Тынянова для выяснения пародийного плана в ряде ключевых эпизодов его романа «Пушкин».

Ю.Н. Тынянов, В.В. Вересаев, А.С. Пушкин, пародия, полемика.

В нашей работе, тематически примыкающей к статье «Взгляды Пушкина и Гоголя о поэте и поэзии в интерпретации Вересаева», опубликованной в первом номере журнала, рассматриваются произведения Ю.Н. Тынянова как выразившие впервые возникшую в русской науке и литературе 1920–1930-х гг. антибиографическую методологию. Формулируя данную основополагающую для нашей работы установку, мы исходили из результатов научных исследований таких авторитетных тыняноведов, как Г.А. Левинтон и А.С. Немзер. Особенно актуален вывод последнего, сделанный в статье «Из наблюдений над романом Тынянова “Пушкин”. Явление героя», о семантической многомерности, «неуловимости» образа Александра – главного героя романа Тынянова «Пушкин» [5, с. 491–492]. Эта полисемантическая исключает какое-либо биографическое решение этого героя (к аналогичному выводу пришел Левинтон, проанализировавший образ Грибоедова – заглавного героя романа Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара» (1927–1928) [3]).

В этой же статье Немзер также делает весьма актуальное для нашей работы указание на пародийную направленность образа отца Пушкина – Сергея Львовича. По его словам, «Сергей Львович пародийно предсказывает и в какой-то мере детерминирует соответствующие черты мировоззрения и творчества сына» [5, с. 490]. При этом, по Немзеру, имя поэта послужило Тынянову полемической рамкой для пародирования феномена «многого Пушкина», возникшего в результате противоречивого осмысления его личности и творчества со стороны современников. Именно для этой цели, как показал исследователь, писатель использовал гоголевский код, контаминировав, через Сергея Львовича, образ Пушкина с полисемантическим Носом – главным героем повести «Нос».

Однако Немзер не назвал ни одного актуального для 1920–1930-х гг. литературного факта, спародированного Тыняновым в романе «Пушкин». В статье Левинтона «Еще раз о комментировании романов Тынянова» содержится конкретное указание на одно из таких актуальных явлений, ставших объектом пародирования в романе «Смерть Вазир-Мухтара». Ком-

ментируя тот эпизод романа, где Пушкин оправдывается перед Грибоедовым в написании «Полтавы» политико-дипломатическими соображениями, Левинтон указывает на возможность «иронической игры» писателя с современной ему критикой: «Тынянов “бросает кость” своим современникам и подчеркивает это словом Пушкина» [3, с. 128]. Между тем, согласно следующему фундаментальному положению тыняновской теории пародии, только они, как правило, и подлежат пародированию: «...пародийные произведения обыкновенно бывают направлены на явления современной литературы или на современное отношение к старым явлениям» [8, с. 371].

Кроме того, известно конкретное указание самого Тынянова на монтаж В.В. Вересаева «Пушкин в жизни» как на основной пародируемый объект в романе «Пушкин». Это указание было сделано писателем в единственном источнике, а именно – в лекции, состоявшейся в первой половине ноября 1935 г. в Центральном доме Красной армии, и дошло до читателя в передаче репортера «Литературной газеты». Отсюда, в частности, выясняется, что одной из основных задач тыняновского пародийного дискурса в романе «Пушкин» является демифологизация сложившегося за прошедшие десятилетия образа бытового, пошлого Пушкина, ставшего актуальным литературным фактом благодаря упомянутой книге Вересаева. Этой концепции писатель намеревался противопоставить образ поэта, построенный с учетом его творческой судьбы [2].

В нашей статье мы намереваемся раскрыть полемически-пародийный план в тыняновской концепции поэта и поэзии, как значимого для ее формирования фактора, на примере романа «Пушкин» (1935–1943). Мы попытаемся показать, что в этом романе Тынянов обнажает структурный образец вересаевского дискурса на тему «царственного положения поэта», а именно – собственные выводы и наблюдения по поводу пародийной направленности образа Фомы Опискина, сделанные им в статье «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921). Как известно, ученый считал, что в этом образе Достоевский акцентировал «невязку» между морально-религиозными целями «Выбранных

мест из переписки с друзьями» и художественными приемами для их реализации, до сих пор употребляемыми Гоголем в комической функции. В частности, Тынянов в этой связи обратил особое внимание на утверждение Гоголя в статье «О лиризме наших поэтов» по поводу высокой нравственной репутации писательского звания в народном мнении, которое поддается трактовке и в комическом плане как акцентирующее чисто словесный характер этого самого звания, часто не отвечающий моральным качествам его носителя – превозносимого русского писателя.

Для этой цели Тынянов прежде всего придает Сергею Львовичу Пушкину портретное сходство с Фомой Опискиным. Как он показал в статье «Достоевский и Гоголь...», внешность этого героя Достоевского была списана с Гоголя. Ученый в этой связи цитировал следующие портретные характеристики Фомы: «Гаврила справедливо назвал его плюгавеньким человечком. Фома был мал ростом, белобрысый <...> К удивлению моему, он явился в шлафроке, правда, иностранного покроя...». «Фома Фомич сидел в покойном кресле, в каком-то длинном, до пят, сюртуке, но все-таки без галстука» [9, с. 327].

Такие портретные характеристики, как «плюгавость», «белокурый цвет волос», «малый рост», могут быть без натяжки переадресованы биографическому Сергею Львовичу Пушкину. В романе Тынянова последняя из упомянутых деталей внешности Сергея Львовича гротескно выделена, в частности посредством сопоставления с ростом его более высокой супруги: «Сергей Львович бледнел от ярости на балах, когда она танцевала с каким-нибудь высоким гвардейцем, – говорится в романе. – Он вполне чувствовал тогда, что его рост мал» [7, с. 51].

Гротескная заостренность Тыняновым в данной сцене таких мотивов, как малый рост героя вкупе с его ревнивой яростью по поводу собственной невозможности составить достойную пару в балетных танцах своей супруге, очевидно, имеет своим адресатом соответствующие свидетельства современников о Пушкине, которые Вересаев посчитал возможным включить в свою книгу в качестве «подлинных». Так, здесь приводится следующая запись П.И. Бартечева со слов княгини В.Ф. Вяземской: «Пушкин не любил стоять рядом со своею женою и шутя говаривал, что ему подле нее быть унижительно: так мал он в сравнении с нею ростом» [1, т. II, с. 504]. Мотив «ярости» Сергея Львовича метит, например, в сообщении Н.М. Смирнова по поводу ревности Пушкина, вызванной долгими танцами Натальи Николаевны с другим гвардейцем высокого роста – Дантесом. По Смирнову, когда Пушкин заметил удовольствие, с которым его жена принимает ухаживания Дантеса, он с ней объяснился дома. Однако она «снова принимала приглашения Дантеса на долгие танцы, что заставляло ее мужа хмурить брови» (Там же, с. 133). В этот же ряд можно поставить следующий рассказ племянницы П.А. Кикина, опубликованный, кстати сказать, только в 1909 г.: «П.А. Кикин с увлечением рассказывал, что, пригласив однажды на *lancier* очаровательную Н.Н. Пушкину, находил удовольствие изводить бросающего на него негодующие взгляды стоявшего неподалеку – ревнивого поэта» (Там же, т. III, с. 31).

Таким образом, Тынянов в сцене «ярости» Сергея Львовича по поводу танцев супруги с партнером, подходящим ей по росту, обнажает анекдотический характер подобных «свидетельств современников», приводимых в сводке Вересаева в качестве «подлинных».

В изображении Тынянова, одет Сергей Львович тоже, как Фома. Например, в сцене чтения героем произведений Мольера, одной из тех сцен, где он проявляет себя как «литератор», Тынянов называет его верхнюю одежду то «халатом» (тот же самый «шлафрок»), то «сертуюком» [7, с. 75–76].

Что касается «внутреннего» портрета Сергея Львовича, то, очевидно, что, судя по поведению этого героя в сцене с «архивными», ему вполне можно переадресовать следующую характеристику Фомы, данную Тыняновым для обоснования своего тезиса о контрасте как конструктивном приеме для создания этого образа Достоевского: «Он не только плут, не только тартюф, ханжа, притворщик, но “это человек непрактический; это тоже в своем роде поэт”» [9, с. 325].

Далее. В статье «Достоевский и Гоголь...» Тынянов цитирует упомянутое утверждение Гоголя о высокой нравственной репутации писательского звания в народном мнении в качестве возможного источника для мотива «литератора, пострадавшего за правду», пародийно переосмысленного Достоевским в образе Фомы Опискина. Ученый пишет по этому поводу: «Фома прежде всего литератор, проповедник, нравственный учитель – на этом основано его влияние. Дядя в ученость же и гениальность Фомы <...> верил беззаветно. <...> Перед словом “наука” или “литература” дядя благоговел самым наивным и бескорыстнейшим образом...»; «Фома пострадал за правду» (Там же, с. 325).

В романе «Пушкин» в роли «литератора, пострадавшего за правду» оказывается Сергей Львович в эпизоде своего вынужденного пребывания в провинциальном Нижнем Новгороде, где его до сих пор никто не знал. При этом Тынянов замыкает «правдолюбие» своего героя на приписываемое им самому себе звание «поэта». Писатель подчеркивает, что Сергей Львович действительно поэт «в душе» [7, с. 371]. Он пишет стихи в альбомы нижегородских дам наравне с признанным среди москвичей поэтом – Василием Львовичем.

Однако, в соответствии с замечанием Гоголя, нижегородское общество совершенно не интересовалось качеством стихов Сергея Львовича или нравственными свойствами его личности: сколь бы ни был он пошл, достаточно было ему объявить себя поэтом, чтобы утвердить во мнении окружающих свой высокий социальный статус.

Затем Тынянов обнажает в образе Сергея Львовича Пушкина словесную маску «поэта».

Вскоре нижегородцы узнали от Василия Львовича и кузена Алексея Михайловича Пушкина настоящее положение Сергея Львовича в московском обществе, где он не «числился в поэтах». В результате Сергей Львович был принят за самозванца и тут же потерял свой авторитет (Там же, с. 372).

Пародийный мотив «литератора, пострадавшего за правду» Тынянов вводит посредством грибоедов-

ского кода: внутренняя речь возмущенного поведением нижегородцев Сергея Львовича демонстративно построена по образцу монолога Чацкого «Вон из Москвы!»: «Пора положить конец злостью. На край света, но только вон из Москвы. Москва не существует ныне, – но в таком случае – вон из Нижнего Новгорода!» [7, с. 373].

Разумеется, возмущенная реакция Сергея Львовича по поводу «отвержения» обществом его «внутренней правды» является травестированным вариантом соответствующего возмущения Чацкого. Как было показано выше, Сергею Львовичу в романе приписано амплу Репетилова. В данном случае, в отличие от протагониста «Горя от ума», герой Тынянова не сам отвергнул общество, а сначала был отвергнут им. То есть его возмущенная реакция носит вынужденный характер; сам он, как всегда, выступает «на вторых ролях», в соответствии со смыслом говорящей фамилии его литературного прототипа. На самом деле, Сергей Львович, как и Репетилов, удовлетворяется любым слушателем, лишь бы тот внимал его речи.

Недовольство Сергея Львовича поведением нижегородцев вызвано также тем, что было задето его литературное самолюбие. Он всегда тайно завидует славе своего брата, считая себя несправедливо обойденным судьбою. Это качество Сергея Львовича имеет своим источником опять же образ Фомы Опискина. Тынянов в статье «Достоевский и Гоголь...» отметил литературное самолюбие Фомы как его характерную черту и привел в качестве иллюстрации ряд цитат из книги Достоевского, которые вполне можно переадресовать Сергею Львовичу: «Кто знает, может быть, это безобразно вырастающее самолюбие есть только ложное, первоначально извращенное чувство собственного достоинства, оскорбленного в первый раз еще, может, в детстве гнетом, бедностью, грязью <...> Но <...> Фома Фомич есть к тому же и исключение из общего правила. <...> Он был когда-то литератором и был огорчен и не признан; а *литература способна загубить и не одного Фому Фомича* – разумеется, непризнанная» [9, с. 326].

В статье «Достоевский и Гоголь...» Тынянов отметил, что характерный для творчества Гоголя мотив «бегства от неприятностей» был контаминирован Достоевским в образе Фомы Опискина с мотивом «приживальщика». Ученый обнаруживает аналогичный мотив также в образе Степана Трофимовича Верховенского – героя «Бесов». В данном случае, по его наблюдению, мотив «приживальщика» связан, как и в случае с Фомой, с мотивами «странничества», «котомки». Этим частным мотивам, по Тынянову, в «Бесах» сопутствует пространственный сдвиг: действие, имеющее национальное значение, совершается в губернском городе, а не в столице, как следовало бы ожидать (Там же, с. 325).

В нижегородском эпизоде рассматриваемого романа «Пушкин» указанный мотив «бегства» Сергея Львовича, поданный посредством «репетиловского» кода, также контаминирован с мотивом «приживальщика»: герой в это время живет временно вместе с семьей (за исключением Александра) в «грязной избе» [7, с. 370].

В контексте романа данный эпизод связан с эпизодом пребывания Сергея Львовича с семьей в подмосковном имении Захарово. Сергей Львович не может вынести даже недолгого пребывания в деревне и стремится оттуда уехать обратно в город: «Сергею Львовичу мирная жизнь в Захарове, да и самое Захарово очертели. Он не был рожден для сельской тишины. Как-то он сказал за обедом, что должен спешить в Москву и, если в Захарове задержится – карьер его потерян» [7, с. 113].

На наш взгляд, в данном эпизоде Тынянов гротескно заостряет отвращение вересаевского «Пушкина в жизни» от деревенской жизни, его эгоистического стремления оградить себя от «семейных неурядиц». Писатель инвертирует смысл литературного источника эпизода – LV строфы главы первой «Евгения Онегина» (*Я был рожден для жизни мирной, / Для деревенской тишины...*) – в точном соответствии с тактикой Вересаева, вскрывшего условность данной стихотворной декларации Пушкина. Ситуация Сергея Львовича в Захарове – это пародийная реализация сравнения из концовки предыдущей, LIV строфы «Евгения Онегина»: «Хандра ждала его на страже, / И бегала за ним она, / Как тень, иль верная жена». Надежда Осиповна в Захарове была в ссоре с мужем из-за его измены и с ним не разговаривала и «хандрила»: «...сидела над прудом и часами смотрела в воду» (Там же, с. 110).

Комплекс пародийных мотивов «бегства от неприятностей» и «приживания» повторяется в романе Тынянова в сцене внезапного отъезда семейства Пушкиных из московского Елохова в Петербург. Пародийный эффект достигается «невязкой» ничтожной причины отъезда (протекла крыша в доме) и крайним средством решения этой проблемы – переездом в другой город. На наш взгляд, стремление Сергея Львовича в Петербург для решения семейных проблем симметрично аналогичному стремлению вересаевского «Пушкина в жизни» в деревню. Психологически решение Сергея Львовича о переезде мотивировано, в точном соответствии с указанным в свode Вересаева мнением Надежды Осиповны и А.Н. Вульф, сумасбродной любовью к путешествиям как к способу освобождения от «тягостных» дел: «Сергею Львовичу захотелось осмотреться. У него была в крови эта легкость передвижения: он любил освобождаться разом от всех тягот, сев в рессорную коляску или даже в наследственный рыдван. Он все позабывал тогда. При виде облаков и полей во взгляде у него появлялась неопределенная решительность – он любил дорогу» (Там же, с. 45).

Упоминание «рессорной коляски» является знаком «чичиковского» кода. Этот код реализуется в последующем повествовании. Герой таким образом собирается посетить своего тестя – Осипа Абрамовича Ганнибала. В сцене посещения Сергей Львович оказывается в ситуации Чичикова, которому Ноздрев показывал неопределенные границы своего имения: «В последний день он повел зятя погулять. Опираясь на тяжелую палку, он показал ему лес и границу своих владений <...> он взглянул на зятя и, как будто угадав его мысли, широко повел палкой по озеру, соснам, лесу.

Все вам оставляю.

Тестевы владения остались для Сергея Львовича загадкой. Господский дом, который по рассказам Марьи Алексеевны был велик и хорош, – крыт был соломой. Длинный, шитый тесом, он походил на сарай. <...> Но жест старого арапа был широкий, озеро полноводно – и Сергей Львович уехал с недоумением, увозя на щеке влажный равнодушный поцелуй тестя» [7, с. 46]. Обманчивость границ имения «ноздревского типа» соответствует неопределенности материального состояния имения Ганнибала.

В других сценах романа Тынянов разрабатывает в пародийном плане травестийную «чичиковско-наполеоновскую» версию «пушкинско-гоголевской» концепции поэта, которую предложил Вересаев в своем монтаже. При этом писатель модифицирует эту версию в соответствии с «хлестаковским» статусом своих пародийных героев – Сергея Львовича и Василия Львовича Пушкиных.

Братья «заявляют» о своем превосходстве над Наполеоном уже во время пика его военных и политических успехов. Так, Василий Львович, только что вернувшийся из путешествия в Париж, где ему довелось увидеть Наполеона, в ту пору еще консула, убеждает дам-москвичек в том, что тот меньше ростом даже него, человека весьма невысокого (как и все Пушкины): «Никто не хотел верить, что Бонапарт так мал ростом. Василий Львович приседал и подносил ладонь ко лбу, козырьком, чтоб показать рост консула. Потом с законным самодовольством он давал нюхать женщинам свою голову» (Там же, с. 78). Очевидно, литературным образцом данной сцены является хвастовство Хлестакова по поводу собственных западных отношений с российскими сановниками и иностранными послами.

Однако московские дамы, судя хотя бы по их скептической реакции на данное сообщение Василия Львовича, не были убеждены даже модным запахом его головы и про себя считали поэта (каковым на самом деле был В.Л. Пушкин), так сказать, «не более чем Наполеоном». В самом деле, как показывает Тынянов, успехи в свете Василия Львовича связаны с удачами Наполеона на международной арене: у московских дам он ассоциируется со всем французским (Там же, с. 120). Наоборот, при падении популярности Наполеона, Василий Львович также теряет в своем значении. Его никак не могут принять, несмотря на все старания, за патриота.

Аналогично построена в рассматриваемом аспекте упомянутая выше сцена рисовки Сергея Львовича перед своей матерью Ольгой Васильевной. Этот герой, так сказать, с высоты своего «роста», то есть своего «шестисотлетнего дворянства», «расправляется» с высшими российскими сановниками в царствование Александра. При этом «высокомерные» отзывы Сергея Львовича о царских администраторах монтируются Тыняновым с его сообщениями об успехах Бонапарта и намеками на сходство их семейного положения: «Он рассказывал старухе о Петербурге и придворных новостях и пугал заграничными событиями: говорил о французских победах, о Бонапарте и консульше Жозефине, креолке. Матушка косилась: Сергей Львович сыпал именами самых высоких пе-

тербургских людей, как будто только что с ними расстался. Случалось, он поругивал их:

– Се coquin de Кочубей, – говорил он» [7, с. 54].

Конечно, для такого родовитого дворянина, как Сергей Львович, Наполеон является не более чем «высочкой», подобно Кочубею либо упомянутому выше Чарторижскому.

Однако для Ольги Васильевны самым убедительным аргументом в рассказе сына оказалась женитьба Бонапарта на креолке. Она провела аналогию между судьбами Сергея Львовича и французского консула: «Сын уже не казался ей более свистуном <...> Вот сидит сын с этим его коком надо лбом и с арапкою своею, а потом, смотришь, и в чести» (Там же). Если до сих пор она считала свою невестку главной причиной неудачной служебной карьеры сына, то теперь Наполеон, возвысившийся благодаря своей жене-креолке, оказывается знаменем времени. И Сергей Львович может оказаться в фаворе. «Арапки теперь большую силу взяли, – говорит Ольга Васильевна доверенной служанке Уляшке. – В Париже у наибольшего ихнего – как зовут, не упомню, – тоже арапка в женах». И в сознании Уляшки Сергей Львович ничем не отличается от Наполеона: «Все как один – нового захотели, свежинки» (Там же, с. 55).

Таким образом, Ольга Васильевна вкупе с Уляшкой выразили квинтэссенцию мнения московских дам по поводу претензий Сергея Львовича и Василия Львовича Пушкиных, так сказать, превзойти по «росту» самого Наполеона, если употребить «жукóвский» код, – «вознестись» «выше главою непокорной Наполеонова столпа».

Между тем, как показано Тыняновым в эпизодах романа, связанных с устройством Александра в лицей, братья и в самом деле «вознеслись» не только над «Наполеоновым столпом», но и над более значимым («победоносным») «Александрийским столпом»: они пренебрегли петербургским иезуитским коллежем, то есть посчитали ниже своего достоинства, так сказать, «связываться» с католическим духовенством, составлявшим, как известно, одну из *опор* (другое значение слова *столп*) правительственной системы Наполеона. (Брокгауз и Ефрон, статья *Наполеон I*); и они же «перехитрили» царских бюрократов во главе с самим царем, обеспечив посредством устройства в лицей Александра великое будущее для русской литературы.

Кроме того, поскольку, как заметил Немзер, именно взгляды Сергея Львовича на роль родового дворянства в обществе и государстве, пусть выраженные в комической форме, послужили «источником» для соответствующих представлений зрелого Пушкина, именно он оказался «победителем в заочном споре с другими Отцами (здесь Карамзин уравнивается не только с Энгельгардтом, но и с Аракчеевым, Александром и, в конечном итоге, со сложившимся государством)» [4, с. 594]. Под «Отцами» исследователь подразумевает соответствующую функцию упомянутых персонажей, интерпретируемую в корректном, по его мнению, для романа Тынянова фрейдовском ключе. Эти «Отцы» внушали Пушкину мысль о безусловной лояльности по отношению к монархии. Замечательно упоминание в этом ряду имени Александра I, важного для обсуждаемой темы.

Таким образом, Сергей Львович «победил» Александра, «вознесся» над ним¹, точно так же, как Василий Львович «вознесся» над Наполеоном в сцене хвастовства после поездки в Париж.

Подведем общие итоги нашего исследования.

Как явствует из проанализированных нами эпизодов романа Тынянова «Пушкин», пародийный дискурс этого произведения писателя направлен на деструкцию влиятельной в 1920–1930-е гг. концепции «двупланного» Пушкина, которую реализовал Вересаев в своем монтаже «Пушкин в жизни». Тынянов обнажил фикциональный статус свидетельств современников, включенных Вересаевым в свою книгу в качестве «подлинных», а также беллетристические приемы их монтирования. Тем самым Тынянов подчеркнул принципиальную неопределимость личности Пушкина для таких исследователей и очевидцев жизни поэта, которые исходят в своих заключениях из представления о решающей роли материальных факторов в деле формирования мировоззрения поэта. По Тынянову, если и искать четкого определения сути феномена Пушкина, то только, так сказать, «на поэтических путях», то есть ориентируясь на литературную личность поэта, созданную им в своем творчестве. Эти же «пути» доступны только людям, обладающим, по крайней мере, литературным вкусом.

На наш взгляд, Тынянов понял принципы работы Вересаева при составлении свода «Пушкин в жизни» как вульгаризацию его научных достижений. Подтверждением этому предположению является тот факт, что именно в работе «Достоевский и Гоголь...» (1921) содержится формулировка возможного структурного образца для пародирования личности Пушкина, как она представлена в монтаже Вересаева: «Характер Гоголя пародирован тем, что взят Гоголь времен “Переписки” и вдвинут в характер неудачника-литератора, “приживальщика”» [9, с. 325]. Этим пародийным героем является Фома Опискин.

Соответственно Тынянов выбирает из монтажа Вересаева «низкие» либо комические варианты сви-

детельств современников о Пушкине 1820–1830-х гг. и «вдвигает» их в образы Сергея Львовича и Василия Львовича Пушкиных из романа «Пушкин». Тем самым Тынянов не только обнажает условность созданного Вересаевым образа *Пушкина в жизни*, но и иронически подчеркивает результат вульгаризаторских попыток составителя свода *И в просвещении стать с веком наравне*². На наш взгляд, реципировав в романе «Пушкин» собственную теоретическую дефиницию пародийного дискурса Достоевского, Тынянов иронически актуализировал «плагиаторскую» установку Вересаева в своде «Пушкин в жизни».

Литература

1. Вересаев, В. В. Пушкин в жизни: систематический свод подлинных свидетельств современников / В. В. Вересаев // Вересаев В. В. Сочинения : в 4 томах. – Москва : Правда, 1990. – Т. 2, 3.
2. Дельман. Встречи с Юрием Тыняновым. «Жизненный путь Пушкина» / Дельман // Литературная газета. – 1935. – № 63 (554). – 15 ноября. – С. 6.
3. Левинтон, Г. А. Еще раз о комментировании романов Тынянова / Г. А. Левинтон // Русская литература. – 1991. – № 2. – С. 126–130.
4. Немзер, А. С. Карамзин – Пушкин. Заметки о романе Ю. Н. Тынянова / А. С. Немзер // Лотмановский сборник / Е. В. Пермяков. – Москва : ИЦ-Гарант, 1995. – Т. 1. – С. 581–595.
5. Немзер, А. С. Из наблюдений над романом Тынянова «Пушкин». Явление героя / А. С. Немзер // Тыняновский сборник. Выпуск 11. Девятое Тыняновское чтение. Исследования. Материалы. – Москва : ОГИ, 2002. – С. 486–496.
6. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений : в 17 томах / А. С. Пушкин. – Москва : Воскресенье, 1994.
7. Тынянов, Ю. Н. Пушкин / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Московский рабочий, 1988. – 574 с.
8. Тынянов, Ю. Н. О пародии / Ю. Н. Тынянов // Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология / О. Б. Кушлина. – Москва : Высшая Школа, 1993. – С. 361–391.
9. Тынянов, Ю. Н. Литературная эволюция: Избранные труды / Ю. Н. Тынянов. – Москва : Аграф, 2002. – 496 с.

¹ В сцене хвастовства перед «архивными» символическим обозначением «вознесения» Сергея Львовича над символом царского величия является сравнение преуспевающего чиновника Дашкова с монументом [7, с. 158].

² Цитируется стихотворение Пушкина «Чаадаеву» («В стране, где я забыл тревоги прежних лет...») (1821) [6, т. II(I), с. 168].

V.A. Cherkasov

**POLEMICS BETWEEN YU. TYNANOV AND V. VERESAEV
ABOUT THE POET AND POETRY**

The article deals with the problem of the polemical-parodic orientation of Yu. Tynyanov's scientific and artistic work on the concept of «two-dimensional Pushkin» created by V. Veresaev. The author reveals the constructive significance of Yu. Tynyanov's scientific works for clarifying parody in the key episodes in his novel «Pushkin».

Yu.N. Tynyanov, V.V. Veresaev, A.S. Pushkin, parody, polemic.